

777
P34092

Антон Пришелец

СВИДАНИЕ

с т и х и

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ

1945

АНТОН ПРИШЕЛЕЦ

СВИДАНИЕ

СТИХИ

Советский писатель
Москва 1945

П-77 + русск.

І. О Т Ч И З Н А

(1941—1944)

ОТЧИЗНА

В том краю, где мы росли,
В тростниковом, конопляном,
Там ракиты да поляны,
Да над синими полями
Жаворонки,
Журавли.

Этот край, где мы с тобой
Жгли костры, луга косили,—
Мой земляк, ровесник мой,
Мы зовем наш край родной
Нежным именем:
Россия.

Не исходишь всех дорог,
Широки вокруг просторы!
Но идешь, не чуя ног,—

Каждый куст и бугорок
Глазу люб
И сердцу дорог.

Путник скажет: — Бог на помощь!
Пахарь скажет: — Добрый путь!
И как будто век знакомы —
Подойдут один к другому
Покурить,
Передохнуть.

В летнем поле рады встретить
Звон косы, пастуший рог,
Птичьи песни на рассвете
И над сельскою повестью
Тихий утренний дымок.

Поведет к селу проселок —
Встанут дальние года,
Голубые окна школы,
Игры девушек веселых.
Запах яблочный в садах;

Сваи дедовской плотины,
Берег в тальнике седом,

На траве — дорожкой длинной
Вьется белая холстина,
Под сосной —
Знакомый дом.

Дом родимый, отчий дом!
В окнах солнце, запах сосен.
Это мы с тобою в нем
Жили с песней и трудом
Двадцать пять счастливых весен...

Мой ровесник, мой земляк!
Это все осталось в прошлом.
В том краю теперь не так, —
Растоптал ту землю враг
Грубой кованой подошвой.

Край, в котором мы росли,
Дом, где жили мы с тобою,
Вражьи руки
Все сожгли,
Все в развалинах, в пыли,
Поросло глухой травой.

Ах, товарищ верный мой,
На одной земле со мною

Живший, принимавший бой,—
Много-много нам с тобой
Будет дела
После боя!

Но за право жить трудом
Мы и шли под пули вражьи...
В том краю своем родном
Мы построим
Новый дом —
Всех домов на свете краше!

РАКИТА

(Песня)

Луг зеленый,
Край широкий,
Ковыли да жито.
У проселочной дороги
Там стоит ракита.

Дым ковыльвый,
Шум колосьев,
Конопляный ветер.
Сколько лет ей, сколько весен —
Разве кто ответит?

Той дорожкой полевой,
Мимо той ракиты,
Проскакали мы в ночное
В детстве незабытом...

Край широкий,
Степь родная,
Далеко ты где-то!
Мы ушли, запоминая
Все твои приметы.

И теперь —
Все чаще снится
То, что пережито,
В море жита и пшеницы
Старая ракита.

Все стоит,
Как мать седая
Над сыновним следом,—
Нас, родная, поджидает —
С миром и победой!

ДОННИК

Цветы бывают ярче и красивей,
Но эта травка — дикая, степная,—
Ее у нас, должно быть, каждый знает,
Она растет
На всех полях России.

Еще мальчишками,
За Волгой где-то,
Мы эту травку рвали по пригоркам
И подсыпали в горькую махорку,
Что крали из отцовского кисета.

И вот сошлись на фронте
Два солдата
В вечерний час, когда замолкли пули,
И, как в ночном в родной степи когда-то,
У огонька дыгарки завернули.

И так по-дружески
Сосед соседу
Из сокровенной баночки железной
Протягивал махорку —
И любезно
Просил его, особенной отведать.

У одного махорка —
Из Казани,
А у того, что родом из Тамбова,
Она пестреет желтыми глазками
Засушенного донника степного.

— А, с донничком!
Такой, конечно, можно!—
И парень, взяв щепотку,
На ладони,
Как золото, рассматривает донник —
И в козыю ножку сыплет осторожно.
А закурил,—
Дохнул дымок знакомый!
И уж махорка
Пахнет не махоркой,
А тем далеким полевым пригорком,
Тропинкой, кленом у родного дома.

И вдруг —
До боли сердце защемило,
Как будто все — и этот дом, и клены,
И над широкой Волгой луг зеленый, —
Все, что любил, что было сердцу мило. —
Увидел он растоптанным, спаленным.

Густой туман ложился по увалам,
Уже давно докурены дыгарки,
В почной тиши потух костер неяркий, —
И только боль в груди не потухала.

А утром — бой!
И в штыковой погоне —
С какою силой бил врага волжанин!
Как будто гнал его
Из-под Казани,
С полей, где рос
Желтоволосый донник.

У БОРОДИНСКОГО МОСТА

В тишине
и в солнце утра стылого,
Не дыша,
встает Москва-река.
И уходят
за Дорогомилово
Потревоженные облака —

Над мостами
с башнями и шлюзами,
Над Поклонной,
вдоль пустых полей,
Над избой фельдмаршала
Кутузова,
Мимо расступившихся
Филей,

За леса сосновые, зеленые —
Той дорогой
 предков-крепостных,
Где они
 войска наполеоновы
Гнали с боем
 из родной страны...

Нет, не все из прошлого
 забыли мы —
Слава родины
 навек жива!
И уходит
 за Дорогомиллово
Историческая
 синева.

От Москвы —
 дорогою московскою,
Где сейчас —
 на запад, на закат —
Пушки генерала
 Рокоссовского
Гонят вражьи полчища
 назад.

БЕССМЕРТНЫЙ

Еще гремит над тобой гроза,
Еще горят города вокруг,
И дым пожаров слепит глаза,
Гул батарей оглушает слух.

Но мир о славе твоей поет.
Но мир увидел сквозь черный дым,
Что победитель —
Русский народ,
Что ты, великий,—
Непобедим!

Какая шла на тебя волна!..
Но в самый грозный и тяжкий час,
Все испытанья
Исшив до дна,
Ты не сложил своего меча!

Великодушье сменив на гнев,
До крови сжав пересохший рот,
Ты —
Закаленный в большом огне —
Всей силой ударил врага!

И вот —

Отходит к западу гуд боев,
И мы уж видим сквозь горький дым,
Что дещь победы нашей встает,
Никем на свете неотвратим!

Так будь навеки прославлен,
Мой
Великий и древний род —
Народ-победитель,
Народ-герой,
Бессмертный русский народ!

ЗВЕЗДА

Красноармеец умирал.
Над ним клошлся темный стебель,
И высоко
В полночном небе
Горела светлая звезда.

Она была ему родной:
В зеленых поймищах,
На Каме,
Он с ней беседовал ночами,
Но как зовут ее —
Не знал.

И стало жаль,
Что вот сейчас
Все кончится, он умирает,
И никогда он не узнает,
Как называлась та звезда,

И не увидит дом родной,
Всего, всего,
Чем сердце жило...
И вдруг,
Собрав остаток силы,
Он по кустарникам пополз.

Боль обжигает позвонок.
Но он,
Отталкиваясь грубо,
До боли стискивает зубы,
Чтоб болью боль преодолеть.

Под пальцами хрустит трава,
Цветов головки облетают.
И ласковая, золотая
Над ним горит его звезда.

Он полз к своим —
В огне, в бреду...
Звезда потухла на рассвете.
А он очнулся в лазарете
И только понял: ГОДСКАЯ
Он — живет!

Всё:

Солнце, зелень, голоса

Так были новы, необычны,

Как будто он сейчас

Вторично

Родился под родной звездой!

СТЕПЬ

Две весны по ней гремели танки,
Всю ее пзмял, изрыл металл.
И казак в курнойчатой кубанке
Песен ей веселых не певал.

А на третий год, еще в апреле,
Только воды к морю прошумели,—
Ой, какой безмерной широтой
От кавказских голубых предгорий
Раздвинулась, легла до сине моря
Житница Кубани золотой!

И глазам такую не окинуть,
И орлиным крыльям не обнять —
Светлую весеннюю равнину,
К жизни возвращенную опять!

Нежно-розовым пушком пшеница
Покрывает сочный чернозем.

И ковыль, ковыль, ковыль дымится,
Каждый бугорок под ковылем.

Полдень пахнет первым цветом сливы,
Солнцем, можжевельником — весной.
И табун коней золотогривых
Двигается к реке на водоной.

И казак-табунщик напевает,
Наклонясь над гривой скакуна:
Степь ты, степь моя! Земля родная,
Вольная казачья сторона!

ДЕД

Еще не кончилась война,
Еще не кончились тревоги.
А здесь —
Навалена сосна
На пещелище, у дороги.

И дед,
Заросший серебром,
Теперь с удвоенною силой
Стучит тяжелым топором,
Ушанку сдвинув на затылок.

У старика довольный вид, —
Он этот дух смолистый любит.
И щепка светлая дрожит
В его густом вспотевшем чубе.

Шумит у плотника в груди,
Его волнует нетерпенье:
Уже он видит впереди
Дым над трубой,
Окно в сирени.

Он будет, будет наконец,
Свой дом родной!—
Старик — упрямый.
И первый собранный венец
Ложится золотою рамой.

Теперь и закурить пора
По случаю закладки зданья.
И острый угол топора,
Воткнувшись,
Замер в ожиданьи.

Дымит махорка-самосад,
Над мокрым чубом — пар молочный.
Старик устал, но очень рад,
Что новый дом
Заложен прочно!

ТОВАРИЩУ

Семь,
А ровно в восемь тридцать,
Только дрогнет дифферлат,
Проплывут огни столпы
Мимо поезда — назад.

Что ж, товарищ, сядь меж нами,
Докури, договори.
Чемодан, скрипя ремнями,
Ждет послушно у двери.

Ты ведь стрелявая птица,
Смотришь в жизнь
Во все глаза.
Ты умеешь крепко биться.
Бывший красный партизан!

За машиной рвется ветер,
В ноги падает Арбат.
Ты запомни лучше эти —
Каждый выступ и фасад.

Эти треснувшие стены
Без тебя пойдем ломать,—
Без тебя
Веселой сменой
Встанут новые дома...

Ветер стих.
И рядом встали —
Площадь, Курский, и за ним —
Сто дорог, прошитых сталью,
Лязг болтов и синий дым.

Расцелуемся — и руки
Крепко-накрепко пожмем.
А разлука... что ж разлука?—
Свежий ветер за окном!
Дело, видишь, не в разлуке,
Не в прощаньи,—
Дело в том,
Что одной большой поручкой
Мы в стране своей живем.

Вот — и покачнулись зданья,
И осыпалась звезда...
До свиданья, до свиданья!
Сквозь любые расстоянья —
Будем вместе,
Как всегда!

* * *

Мы редко видимся с тобой,
И ни открытки,
Ни записки.
Но где б я ни был —
Ты со мной,
Я знаю —
Ты мне самый близкий.
 При встрече
 Все я расскажу —
 И как живу,
 И с кем дружу.

При встрече —
Ночка напролет,
А утром рано,
На Арбате,

Спеша, троллейбус оборвет
Прощальное рукопожатье.

А там опять —

Дороги, бой.

Но где б ты ни был —

Я с тобой!..

Мы часто дружим

По привычке.

Но эту дружбу

Я храню —

Как огонек последней спички.

Ее от ветра заслоню!

68
ГОЛУБИ

Шумным выводком,
Легкой стаей
Над окном они пролетают.
Покружат над фабричной трубой
И — потонут в волне голубой...

На высоком моем окошке
Вы гостями не раз бывали,
Вы клевали зерно
И крошки
И водою их заливали.

Просто так, —
Любопытства ради, —
Когда сын мой лежал больной,
Я нечаянно вас привадила
Прилетать на мое окно.

Подоконника узкую кромку
Будто вдруг завлакивал дым:
Вы устранивались —
И негромко
Разговаривали с больным.

Не тревожа его покоя,
Ворковали ему за рамой
Что-то трогательное такое,
Что-то ласковое,
Как мама...

Мальчик выздоровел давно —
И сегодня уехал в Крым.
Вы хотите лететь за ним?
Не хотите дружить со мной?

Но ведь он теперь далеко.
Мимо солнца и облаков,
Сквозь дождя голубую сеть
Вам до моря
Не долететь!

Вы проститесь с ним у заставы,
У последнего семафора.

Посмотрите степные травы —
И опять возвращайтесь в город.

Он друзей своих будет помнить,
Он напишет письмо про юг,—
Прилетайте на подоконник,
Я его пречитаю вслух...

Далеко-далеко,—
Не знаю,
В направлении каких дорог,—
Промелькнула под солнцем стая —
И растаяла,
Как дымок!

II. СТИХИ О СЫНЕ

(1943)

НА СТАНЦИИ

С Подсолнечной
В семнадцать пять —
Отправка эшелона.
Стоит у эшелона мать,
У твоего вагона.

Взглянула на часы —
Рука
Ее дрожит немного.
Тебе бутылку молока
Она дает в дорогу.

Дает заботливо, всерьез.
Щепча скороговоркой,
Любимых сотню папирос
И узелок с махоркой.

Теперь кури,—
Не в этом суть,
Теперь она согласна.
Перед тобой —
Далекый путь,
Далекый и опасный.

Что там — табачный никотин
Пред жерлами орудий!
Ей жаль,
Что едешь ты один,
Что там ее не будет.

И подавляет с болью мать
Поднявшуюся жалость.
Так трудно
Слезы удержать!
И все-таки сдержалась.

Ну, поделуй его еще,
Порывисто и звонко —
В ребячий рот,
В пушинки щек,—
И отступи в сторону...

Потом,
В ночную тишину,
Пусть слезы львнем хлынут:
Мать проводила на войну
Единственного сына.

СЕСТРЕНКА

Тот год был яблочный,—
В тот год,
На память о рождении сына,
Я разломил созревший плод —
И зернышко зарыл в суглинок.

И зернышко весной взошло —
И в жизни с самого начала
Любила яблонька тепло
И стебель к солнцу поднимала.

А я суглинок поливал,
Я разминал комочек махый,
Травинку всякую срывал,
Чтоб яблоньку не обижала.

Она росла —
И я был рад

Рождению каждого листочка.
Я ставил фотоаппарат —
И яблоньку снимал, как дочку.

Она росла
Под звон стрекоз,
Под ливень гроз, под птичьи песни..
И рядом с нею — мальчик рос,
Веселый — ты, ее ровесник...

* * *

Давно та яблонька цвела —
Твоя зеленая сестренка.
Давно война тебя взяла
Солдатом в дальнюю сторонку.

С дремучей Ладоги, с Невы
К тебе летят ночные выюги.
Вам тяжело в разлуке — вы
Истосковались друг о друге.

Но есть тоска сильнее вдвойне,
Мучительней, неутоленней —
Тоска по отнятой стране
У тех, кто мучится в плече.

Из-за лесов, из-за болот
Ты слышишь сдавленные клвки?
То древний Псков тебя зовет,
То клкчет Новгород Великий...

А дни идут,
Полки идут
За Днепр, на запад — в ту сторожку...
Пусть подождет тебя в саду
Нетерпеливая сестренка!

МАТЬ

Жила без горя, без седины,
Счастливей не искала ноши:
Он был у матери один —
Веселый, ласковый, хороший.

Но ходит по домам война,
Разносит юношам повестки.
И нет его, и мать одна,
И сердцу поделиться не с кем.

И вспоминает день за днем
Его привычки и проказы:
Вся жизнь ее
Была лишь в нем —
Родном, любимом, черноглазом.

Посмотрит в зеркало —
И вот,
Глазами, видящими сына,
Она себя не узнает,
Свои морщины и седины.

А за окном уже весна
Топорщится пушистой веткой...
Стоит — и ждет его письма,
А письма ходят —
Редко-редко.

ТЫ — В БОЮ

Вчера лишь ты одет солдатом,
И этот бой — твой первый бой.
Бежишь с тяжелым автоматом,
Что, может быть, ты сам когда-то
Собрал в бригаде заводской.

Твое письмо, что перед боем
Ты написал, — в моих руках.
Мне кажется, оно — живое.
А послано ль тобой другое —
Что после боя?
Но пока...

И я — спокойно жду,
Хоть знаю,
Что все-таки война — война:
Что если на переднем крае

Земля и небо полыхают,
То гибель — не исключена.

И вижу:

Рыжие обмотки

Упавших, неподвижных ног,

Кровь на растоптанной пилотке

И по виску, на подбородке —

Застывший темный ручеек...

Нет, нет!

Пусть трижды мне унылый

Стервятник выключит глаза. —

Лишь смерть твоих бы не закрыла,

Лишь бы твоим навек светила

Небес весенних берюза!

СИЛА

Есть сила у большой любви:
Она,
Как всемогущий гений,
Ведет сквозь штормы корабли,
Не зная кораблекрушений.

Она полки на бой ведет,
Пустынями, во мертвым верстам.
Любая крепость
В прах падет,
Не выдержав ее упорства.

Так я тебя люблю, и так
Моей любви большая сила
Тебя живым из всех атак
И невредимым выносила.

Пусть свищут сталь и динамит
И смерть свирепствует,—
Не тронет:
Моя любовь тебя хранит
Вернее самой крепкой брони!

ИГРУШКИ

Впрочем,
Какие уж там игрушки,
Когда над городом до утра
Ревут самолеты,
Грохочут пушки,
Тревожно мечутся прожектора.

Романтика самых суровых книжек
Ничуть не похожа на этот ад.
Но слышишь,
Как докает о булыжник
Расстрелянной стали обильный град?

Ты громыхаешь железом крыши,—
Отсюда видней огневой содом.
С целой ватагой своих мальчишек
Ты стережешь от пожара дом.

Все же кончается канонада,
Робкий рассвет плывет над Москвой.
Ты сходишь,—
Осколки зенитного града
Ты долго ищешь на мостовой.

Дома выкладываешь из карманов
Сталь, алюминий
И прочий металл.
Из самой вместительной фото-ванны
Устроил игрушечный арсенал..

Он так и остался, тобой забытый,
А после брошенный на произвол —
Кусочек уже недетского быта,
С которым из детства
Ты в юность шел.

Теперь он ко мне
Перешел, как память
О том, что в тревоге прошло давно,
Что собрано это — твоими руками,
Что был ты когда-то
Рядом со мной.

СЕНЕЖ

Огромный подмосковный водосм,
Кругом осока,
Сосны да осинник...
Когда-то осенью сюда вдвоем
Мы презжали
Щук ловить на спиннинг.

Сегодня здесь — уж не чудака-рыбак,
Уже с винтовкой —
У подножья сосен
Ты отдыхаешь, куришь свой табак
И вспоминаешь ту, рыбачью осень.

А небо — голубое,
Как всегда
Оно бывает в подмосковном мае.

Какого цвета в озере вода?
Не различить: должно быть, голубая.

Вот так и мы.

Куда ни вел бы след,
Не забывай, что мы повсюду — двое.
Как небо с озером —
В единый цвет
Окрашена вся наша жизнь с тобою.

СВИДАНИЕ

Лежим под соснами, втроем.
Прищуривая глаз лукаво,
Ты пьешь из термоса какао —
Питье любимое твое.

И мамных волшебных рук
Изделье —
Сдобные коврижки —
Ломаешь над страницей книжки,
Священнодействуя, не вдруг.

А мать с тебя не сводит глаз:
Она, души в тебе не чая,
Запоминает, примечает
Все, что ей дорого сейчас.

И жесткой гимнастерки цвет,
И родинку на подбородке,
И на губе пушок короткий,
И множество других примет.

А ты на плащ ее прилег
И, руку на траву откинув,
Срываешь мелкий щавелек:
— А это — матери от сына!
Хоть сын дарами не богат,
Но эта травка знаменита.
Чем может отплатить солдат?
Считай, что мы с тобою — квиты.

Над нами,
Над сосной весенней
Кричат грачи, заходит гром.
Уже второе воскресенье
Мы здесь блаженствуем втроем.

ПУХ

Теперь пошел все лето
Лететь лебяжий пух
С мохнатых белых веток,
Развешанных вокруг.

На книги, на твою постель,
По стульям,
В каждый угол —
Метет, метет, метет метель,
Закручивает вьюга.

А ты проездом,
На денек,
Попап домой по делу.
На час в постель свою прилег —
В погонах,
Загорельи.

Спи, я тебя не разбужу,
Спи —
Я дышать не буду!
Я тихо рядом посижу,
Я помолчу покуда.

А белый пух, лебяжий пух,
Лицо и руки кроет.
Летит, летит —
На все вокруг
Ложится легким слоем...

Пока ты
Не в ночной степи,
Не под замерзшей елью,—
Пока ты здесь —
Спокойно спи!
Еще придут метели!

ПОСЫЛКА

Стою над ящичком,
Набитым
«Казбеком», банкой молока,
Фуфайкой, пачками бисквита
И книжечкой Пастернака.

Все это честно, по талонам
В закрытом приобретено.
Но я вздыхаю огорченно:
Не уместается вино!

А так хотелось бы
Мальчишку,
И не умеющего пить,
Не только молоком и книжкой,
Но и настойкой подкрепить.

А тут — кладите, где хотите,
Я просто выбился из сил:

Старинный твой приятель Винтик —
Горсть винограду притащил.

(Ты знаешь, он еще ребенок,
До школы — целые года, —
Но как малюет он, чертенок,
Стрекоз и бронепоезда!)

Все перекладываю нервно —
И снова то же, как назло!
Посылка — с ящичком фанерным —
Должна быть только в пять кило.

СОЛДАТ

Редеет круг моих родных
И круг моих друзей.
Я не живу собой,
Я — в них,
С кем жил до этих дней.

И с первым —
Я всегда с тобой,
Кто мне из всех один
Был самый близкий, дорогой,
Единственный мой сын!

Мой мальчик,
В восемнадцать лет,
Чтоб защищать страну,
В шинель тяжелую одет,
Ушел ты на войну.

Ты смел,
А есть закон один
Для смелых на войне:
Ты будешь цел и невредим
И вновь придешь ко мне.

А если упадешь в траву
И мне пришлют пакет...
Все раны сердца заживут,—
И только эта — нет!

ДРУЗЬЯ

Из дома, от своих друзей
Ты улетел — куда? —
Как желторотый воробей
Из теплого гнезда.

А воробьи остались тут.
У неприкрытых рам
Садятся на окно — и ждут,
Как раньше по утрам.

Заглядывают в глубь окна —
Не тянется ль рука
С крохами хлеба и зерна
От твоего пайка.

Никто не скажет мне о том,
Что друга
Дома нет,
Что в доме, над моим столом,
Твой фронтовой портрет.

МАТЬ ГАДАЛА

Мать к гадалке ходила
и, сердце скрепя,
Попросила ее
погадать на тебя.

Мать в гаданья, конечно,
не верит, не верит,—
Постучалась тайком
у гадалкиной двери.

А вернулась домой —
улыбается жалко:
Что-то ей о тебе
нагадала гадалка?

Мать не верит,
но кто ее в горе осудит?

Не поверить нельзя,
когда просишь о чуде,

Чтоб утешить ее,
надо очень немного...
Пред тобою какая-то
снова дорога

И какие-то хлопоты,
много хлопот,
А письмо фронтовое —
в дороге, идет.

И еще нагадала —
ты цел, невредим.
Что ты любишь двоих
и двоими любим.

Про любовь — это верно.
и верно — вдвоем
И во сне повторяем мы
имя твое.

Верно также и то,
что письмо фронтовое

Ты уже написал —
после страшного боя,

Что в дороге оно,
что ты цел-невредим.

Милый воин! Ведь ты у нас —
только один!

ЛЕОНТИЮ КОТОМКЕ

Сам я горем по горло сыт,
Но твое с моим — несравнимо.
Твой единственный сын — убит,
Страшно вымолвить слово: Дима...

Как сегодня я мучусь тем,
Что нас горю не обучили,
Что в несчастьи твоём —
Я нем
И утешить тебя — не в силе.

Да и что мне сказать, о чем?
Разве в горе — такое надо?
Обнимаю твое плечо:
Буря слишком грозна, — не падай!

Как нам жить после этих дней,
Если сердце за сыном рвется!

Нет! Мы выстояли в огне,
Нужно выстоять —
И в спротстве!

Разорвется кровавый чад,
Светлый ветер в лицо засвищет.
И хоть мы не войдем в тот сад,
Что посадим на пепелище,

Все ж увидим его, не раз —
Хоть миражем на горизонте.
Ради этого дня
Сейчас
Нужно жить, будем жить, Леонтий!

ТВОЯ ЗЕМЛЯ

Ты знал ее очень мало
В свои восемнадцать лет.
За Бугом и за Уралом
Твой не остался след.

Ты видел
Море седое
У крымских гранитных скал,
Тебя городок Одоев
В зеленых садах ласкал.

А наша земля —
Большая, —
Нет в мире таких широт! —
И вся от конца до края,
Как сад молодой, цветет.

Тебе бы веселым шагом
Ходить по ней да ходить.

В ручьях, по лесным оврагам,
Студеную воду пить.

Все знать бы,
Всему учиться,
Любить, ревновать девчат,
Раздумывать,
Горячиться,—
Твой век еще не почат!

Но ветер великой злобы
Рванулся в наш край —
И вот,
Не кончив своей учебы,
Бойцом ты ушел на фронт.

Падает дуб ветвистый,
Небо ревет в огне...
Ты выступишь, друг мой?
Выстой!
Так нужно
Родной стране!

ТАК БУДЕТ!

Будут птицы ли в небе петь
Иль мороз под ногой скрипеть,
Будет дождик

Иль будет снег,
Половодье ли вешних рек,

Будет пасмурный день

Иль светлый,
И заметишь его ты, нет ли,
Будет долгий он иль короткий,
Будешь в шапке ты иль в шлоте,

На троллейбусе, на метро ли.

Мимо Пушкина ль, «Метрополя»,

В шуме, в суетоке и тряске,

Как во сне, как в забытой сказке,

Мимо сотен домов-громад

Ты войдешь —

на родной Арбат!

Никаких фронтовых мозолей,
Ни тяжелых сапог, ни боли.
Ты почувствуешь только вдруг,
Будто ноги — обуты в пух,
Будто твой за плечом мешок.
Помогает движенью ног,
Будто парусом он надут,
Будто ноги — сами идут!

Вот и дом твой, уставший ждать.
Полки, книги, твоя кровать.
Сбрось фуражку, шагни вперед —
Мать навстречу тебе идет!
Молодая твоя, седая,
Темнолицая — мать родная!
Дай, она тебя зацелует
За разлуку, за каждый бой
И за тысячи поцелуев,
С почтой посланных полевой.

Выжил, пережил все, что мог,
Честно Родине отдал долг!

Мать прильнула к щеке ребячьей,
Обняла тебя за плечо.

— Мама, мамочка... Что ж ты плачешь?
Ну, теперь-то еще о чем?

Я, шутя, разделяю вас:

— Пусть поплачет — в последний раз.

А пока что, — не все ж одной:

Здравствуй, сын мой,

Ты вновь со мной!..

День, когда ты вернешься в дом,

Будет хмурым он иль туманным,

Будет самым для нас желанным,

Будет самым солнечным днем.

Ш. Т Е П Л Ы Й В Е Т Е Р

(1937—1941)

КОЛОДЕЦ

Сруб,
Долбленое корыто,
Обомшелые края.
На канате над водою —
Деревянная бадья.

Капли падают в колодец,
Воду светлую рябя.
Посмотри туда —
Увидишь,
Словно в зеркале, себя.

Ты устал, измучен жаждой,
Шел проселком в жаркий день,
Ты воды себе холодной
Полную бадью задень.

Примости ее на срубе,
Сдвинь к затылку козырек —
И схвати губами
Первый
Обжигающий глоток.

Потечет по подбородку,
И уж как ни береги —
Обольешь косоворотку
И забрызжешь сапоги.

Но когда ты от колодца
Вдаль пойдешь,
Ты запоешь!
Запоет с тобою рядом,
Колоски качая, рожь...

Целый день
Идут и едут
По дороге взад-вперед, —
Каждый путник у колодца
Хоть минутку отдохнет.

Замолкают разговоры,
Затихает скрип телег.

У него воды студеной
Приготовлено для всех!

Зной полуденный спадает,
Запевает коростель...
Далеко над полем виден
У дороги журавель!

ПЕРВЕНЕЦ

Первые птицы поют в саду...
Я осторожно по саду иду.
Каждый сучок обхожу, не касаясь,
Боясь повредить еще скрытую завязь.

И — неожиданно у плеча,
Как будто метясь в грудную клетку,
Как будто из детского пугача
В меня стреляет тугая ветка.

Тихо, как пыж, облетает сорочка.
И там, где пухла ревнивая почка, —
Веселый барахтающийся листок
Вытянул свой голубой поготовок.

И сразу стало слышней кругом.
И ветерок, пролетавший мимо —

Едва заметный, неуловимый,—
Торжественно замер над влажным листком.

И солнце поспешно луч золотой
К нему опустило сквозь облака —
Как будто кормит его струей
Материнского теплого молока.

Он нежится,
Он расправляет края —
Счастливый первенец в нашем саду...
Птицы запели ошеть, а я
Хочу уйти —
И никак не уйду.

ЖАВОРОНОК

Легчайшим из летучих тел —
Пушинкой в небо он взлетел.
И светлый воздух закачал
От звонкой песни запевалы.

Еще кругом, кругом бело,
В снегу долины и река.
И вдруг стремительным крылом
Сквозь медленные облака,
Сметая их и напролом,
Пробилось солнце высоко.

И снег, тревожно оседая,
Ворчливо зароптал, одрях.
И, вся измерзшая, седая,
Раскрылась пашня на буграх

И поворачивает боком —
Погреться первым солнцем.

Откуда-то горластый грач
Летит, мелькая быстрой тенью.
А там уж, по откосу, вскачь,
Торопятся ручей весенний.
И тотчас зазвенел второй,
Пробившись рядом под корой.

И все, что у зимы под спудом
Лежало замертво, без солнца,
Вдруг оживло, и отовсюду
Поет, летит, сверкает, льется.

У жаворонка мало сил,
Его уже не слышно звона.
Но это он всему району
Весну торжественно открыл!

ГРОМ

Сначала — вкрадчив и высок
И неожиданный для слуха,
Негромкий молодой басок
Над полем прокатился глухо.

И тучи тень по теплой ржи
Дыханьем грозовым бежит.
И сразу замолчали птицы,
И пруд чешуйкой серебрится.

Метнулся молнии излом
По кручам туч,
По дымным ключьям —
И бешеным раскатом гром.
Уже разгневанный, грохочет

Потом пойдет, не умолкая,
Стучать и грохатъ
Все сильней,
Как будто он вбивает сваи
В сплошной клокочущей волве,

Как будто он взрывает гору
Гремящих кровельных листов,
Как будто потерял опору
И сам
Обрушиться готов.

И вдруг — замолк.
И дождь косою
Прошел белесой полосой.
И сквозь разорванную тучу
Протиснулся пушистый лучик.

За ним другой спустился вниз,
Потом еще, еще.
И скоро —
Все солнце вышло. опершись
На семицветную рессору...

И встала рожь
Со всех сторон,
Дождем рассыпанным сверкая.
И удаляющийся гром
Она, как друга, провожает.

ТЕПЛЫЙ ВЕТЕР

Молодой, веселый, озорной —
Он идет заречной стороной.
На опушке наклоняет кустик,
Струйку пыли вырвал из-под ног.
Ни одной былинки не пропустит,
Раскачает каждый стебелек.
За паромщиком бежит вдогонку,
Через камыши,
Через реку,—
Желтую от солнца бородавку
Кверху задирает старяку.

Девушка выходит на тропинку,
На плечах — зеленая косынка.
Он раскрыл косынку пополам,
Распахнул ее, как два крыла:
На тебе, девчонка,
И дети!

Нам с тобой сегодня
По пути.

И, должно быть, правда:

Для обоих —

Все кругом, что хочешь выбирай:

И такое небо голубое,

И большой-большой весенний край!

МАЙ

День зеленый
Над родной,
Над широкой стороной!

Мы идем витой тропинкой
По заречной полосе.
За плечом — стучат ботинки,
Ноги босые — в росе.

По руке бежит неловко
Божья пестрая коровка.
Вдруг поднимет крылья в лет
И — обратно поползет.

Майский жук качает травы,
Травяной пылью пыля.
По цветам гудит октава
Светлокрылого шмеля.

Он, как гость,
Беспечно пьет
Из цветочной чарки мед.

Все цветет,
Кругом цветы,
Все усыпано цветами...

Если б не было цветов —
Мы их выдумали б сами!

У реки — шалаш, песок
И следы рыбачьих ног.
И над речкой, над песком
И над нами —
Птичий гром!

Хорошо в таком краю,
Где под крышей голубой
Все цветет
И все поют
И дружат, как мы с тобой!

Я цветов домой нарву,
Мы пришли сюда — за ними.

Ты не бойся мять траву,
Все цветы — считай своими.
Васильков,
Ромашки,
Лилий —
Вон их сколько на пути...

Если б мы с добой не ждали —
Для кого б цветам цвести!

ВЯЗОК

Вяхрастый, коренастый вяз,
Он рос под окнами у нас.

Но управдом, кудрявый тоже,
Должно быть, и не знал о том,
Что летом нам всего дороже
Прохлада веток под окном.
Он вяз веселый не влюбил —
И осенью его срубил.
И бугорок, где вяз стоял,
Разрыл, сровнял, утрамбовал.

Но только после зимней стужи
Пригрело землю под окном,
Упрямым, жилистым ростком
Пробился снова вяз наружу.

— Ну, что ты скажешь? Вот те раз!
Смотри, опять явился вяз!—
И управдом занес сапог —
И растоптал живой росток.

Пришли рабочие —
С котлом,
С горячей черною смолою —
И всю площадку под окном
Покрыли смоляной корою.

И управдом доволен был,
Что вяз — искоренен,
А вскоре,
За суетой других историй,
О вязе и совсем забыл.

Весна кончалась, а за нею
Пошли деньки — еще теплее.
Гремели грозы, дождик лил,
Пар поднимался от земли.

Сегодня вышел управдом —
И видит:

Под его окном,
Разрыв асфальт, как землю крот,
Опять упрямый вяз растет!
Но как он бледен, непокорный,
Поднявшийся над глыбкой черной!
Знать, не легко ему досталось...
И сердце оправдома сжалось.

И оправдом сказал:
— Ну, что же,
Его ничем не уничтожишь! —
И бережно вокруг вяза
Убрал асфальт
И на площадку
Дошечек разных натаскал
И сделал для него оградку.
И сам доволен:
— Ну, тянись!
Ты, вижу, крепко любишь жизнь!

ВСТРЕЧИ

Хороша теплота людская!
Где бы шел ты
В своей стране,—
Вот опять впереди мелькает
Золотой уголек в окне.

Ничего,
Что ты незнакомый
В этой местности человек.
Подойдешь ты к чужому дому
И попросишься на ночлег.

Для своих у нас хватит крова,
Мы ни в чем для них не бедны.
Приютят тебя,
Как родного,
В каждом доме твоей страны!

Ты устал под осенней стужей,
За окном еще дождик льет.
Но, согрет и обласкан дружбой,
Ты готов
Хоть сейчас в поход.

Крылья вырастут за спиною,
Безголосый —
Ты вдруг запоешь.
Ты, до дна обнажив, раскроешь
Осторожное сердце свое.

И потом,
Холодком рассветов
Проходя не одну версту,
Ты надолго запомнишь эту
Человеческую теплоту!

ЖОЛУДЬ

О тполированный,
Лытой,
Тяжелой каплей золотой —
Вот он, под лапчатым листком,
Повис, не падая;
О нем,
Должно быть, позабыло лето,
Но тихим пожням уходя, —
Оставило его дождям
Среди кустов полураздетых.

Но не размокнет под дождем
Такой — и без зеленой шубы.
Он — крепок,
Он не зря рожден
Упрямым коренастым дубом!

Да их и нет еще, дождей.
И солнце светит все нежней.

Давно уж скрылся летний жук,
Стаицы птиц летят на юг.
И ночь сентябрьская, слепая,
Идет наощуь меж ветвей.
Но жолудь
Накрепко прищавя
К точеной чашечке своей!

И только в самый поздний срок
Пройдет по веткам ветерок —
Он как-то, не готовясь, вдруг,
Как самый терпеливый плод,
В густой осыпавшийся пух
Тяжелой каплей упадет!

РАСТОРГУЕВО

В лесу — сморчки,
В речушке — пескари,
На улице —
Щенята у завальни.
Свистки и гарь.
Но, что ни говори,
Мне дорог этот пригород недалкий.

Курьерский поезд, рвущийся вперед,
Запорошит и задымит ресницы.
И вдруг —
Тамбовским ветром польхнет
И запахом саратовской пшеницы.

Далекая степная сторона,
Родная тень соломенного крова!..
Стою и слушаю у полотна,
Как запекает телеграфный провод.

А поездам, должно быть, счета нет,
Они бегут, бегут как от погони.
И долго я смотрю из-под ладони,
Как будто шлю на родину привет.

Из многих станций выбрал я одну —
Поблизости, с Москвою по соседству.
Здесь поезда проходят в ту страну,
Что названа чудесным словом —
Детство!

БЕЗЛЕСЬЕ

Леониду Соловьеву

Края травяные!
Как светлые чайки,
Над лугом летят облака.
Сняв шляпу,
Я каждую тучку встречаю —
И вновь провожаю:

— Пока!

Я с детства
Счастливою дружбою связан
Со всем, что на воле растет.
Привет молодому вихрастому вязу
И звонкой осоке болот!

Столбы телеграфные в зное маячат,
По склонам спускаются вниз,
И, сбитый ребятами, белый стаканчик
На проводе тонком повис.

Присяду у речки, под старою ивой,
Нет дерева в мире родней!
Я счастлив сегодня,
Но самый счастливый —
Здесь мальчик ловил пескарей.

Кивают кувшинки,
Как в детстве когда-то,
Плывут облака по реке.
И кажется, рядом —
Все те же ребята
И наши следы на песке.

А тучки уходят, одна за другою,
И падают тени в траву...
Сторонка родная!
Глухое, степное,
Зеленое детство — ау!

ВИШНЯ

Где мирно льется Днепр старинный
Среди широт,
В садах весенней Украины
Она цветет.

То дождь пойдёт, то ветер дует,
То — тишина.
Под солнцем южного юва
Растет она.

Украдкой смотрит в мир зеленый
Из-за листка,—
И там июль идет по склонам
И по лескам.

И зарумянилась невинно,
Глазком кося,—
Сначала верхней половиной,
Потом и вся.

В саду ни тени, ни ветрянки,
Он изнемог.
Вот-вот из вишни-украинки
Закаплет сок.

Нет, мы возьмем тебя и снимем,
И в новый дом
Внесем с тобой — и полдень синий
И венший гром.

Тебя ни осень не застигнет,
Ни холода —
Мы не для них тебя растили
В своих садах!

И в день победы долгожданной,
Вернувшись в дом,
Нальем мы полные стаканы
Твоим вином!

БЕРЕГ

Когда корабли покидают гавани,
Нам кажется с палубы корабля,
Будто уходит в большое плаванье,
Ворочаясь грузно, сама земля.

И только после глаза поверят,
Чему поверить бы не могли:
Что никуда не уходит берег,
Уходят от берега — корабли.

Когда кончается наша юность,
Покажется вдруг,
Что и сад — не тот,
Что май отшумел
И за тихим июнем
Все, что мы любим, навек уйдет.

И только издали мы заметим,
Когда рассеется горький дым,
Что май — все тот же
И сад в расцвете,
Что нашу юность подхватят дети
И так же, как мы,
Отдадут другим!

* * *

У той избы в деревне,
Что краше всех палат,
Где к бабушке Андревне
Ты забирался в сад;

Где верба-сребролистка
Роняет сладкий цвет,
Где небо низко-низко,
А полю — края нет;

Где тонкая березка,
Веселая, как ты,
Стоит у перекрестка
Под зноем золотым;

Где под дождем, в припрыжку,
Лишь прогрохочет гром,
В засученных штанишках
Ты бегал босиком;

Где на Гнедом иль Пегом
Во весь опор скакал
И в поле, в час ночлега,
В цветах и травах спал,—

У той избы, весною,
За тихой речкой той,
Открылся пред тобою
Вот этот мир простой.

Он был один,
Которым
Ты и дышал и жил,
Который ты в ту пору
По-детски полюбил.

А что полюбишь в детстве,
Тому измены нет,
Тех радостей и бедствий
Не потеряешь след.

Ты вырастешь — и взрослый
Уйдешь в далекий край
И где-то встретишь после
Чужой чудесный рай.

Ты красоту такую
Похвалишь, но тайком
Ты рано затоскуешь
О том, где отчий дом...

И вот теперь, одетый
В солдатскую шинель,
Идешь ты в битву где-то
Сквозь темень и метель.

Или, в окопе сидя,
Следишь за тишиной,—
Всегда, везде ты видишь
Далекий край родной!

Всегда неотвратимо
Встает перед тобой
Единственный, любимый
Приговор над рекой.

И нигуда не деться,
И не найдешь ты сил
Забить о том, что с детства
Впервые полюбил!

1944

СОДЕРЖАНИЕ

I. ОТЧИЗНА

(1941—1944)

Отчизна	3
Раклята	7
Донник	9
У Бородинского моста	12
Бессмертный	14
Звезда	16
Степь	19
Дел	21
Товарищу	23
Мы редко видимся с тобой	26
Голуби	28

II. СТИХИ О СЫНЕ

(1943)

На станции	31
Сестренка	34
Мать	37

Ты — в бою	39
Сила]	41
Игрушки	43
Сенеж	45
Свидание	47
Пух	49
Посылка	51
Солдат	51
Друзья	51
Мать гадала	57
Леонтию Котомке	60
Твоя земля	62
Так будет!	64

III. ТЕПЛЫЙ ВЕТЕР

(1937 — 1941)

Колодец	67
Первенец	70
Жаворонок	72
Гром 	74
Теплый ветер	77
Май	79
Вязок	82
Встречи	85
Жолудь	87

Расторгуево	89
Бездесье	91
Вишня	93
Берег	95
У той избы в деревне	97

Редактор С. Обрадович

Худ. А. Усачев

* * *

A13041. Подписана к печати
15/II 1945 г. Печатн. лист. 31/8.
Авт. лис 2,9. Уч.-изд. лис. 3,1.
Заказ 2/24 Тираж 10 000
Цена 3 р.

6-я тип. треста «Полиграфкнига»
ОГИЗа при СНК РСФСР,
Москва, 1-й Самотечный пер., 17

2 руб.

23